

1892, 13 септ. № 44
ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

Интонъ Чеховъ: — «Дуэль», повесть, изд. 2-е. Спб. 1892 года. — ~~Жизнь и творчество~~ (Очерки) Восточный Востокъ. № 11.

Морис-Вас
Чехов

До сихъ поръ г. Чеховъ отличался полнымъ отсутствиемъ какой-бы то ни было идейности въ своихъ произведеніяхъ, всакой осмысленности и въ то-же время тѣмъ художественнымъ индифферентизмомъ и безразличіемъ, вследствие которыхъ рядомъ съ предметами, задѣвающими насъ за живое, ему ничего не стоило избрывать самыя ничтожныя мелочи жизни ради одного безцѣльнаго созерцанія, красиваго слога или вызова лишней усмѣшки у читателя газеты.

Но нынѣ и онъ, повидимому, стремится отдать себѣ отчетъ въ изображаемыхъ явленіяхъ жизни, осмысливать ихъ, проливать на нихъ высшіе философскіе взгляды. Но, Боже, Боже, что изъ этого выходитъ!...

Въ одномъ изъ предыдущихъ фельетоновъ я имѣлъ уже случай говорить о томъ жалкомъ убожествѣ мыслей, какое обнаруживаютъ наши современные молодые писатели въ попыткахъ проводить въ своихъ произведеніяхъ идеи. То же самое мы замѣчаемъ и въ г. Чеховѣ. Разница только въ томъ, что г. Чеховъ ударился не въ толстовщину и не въ псевдо-народничество, а, какъ увидимъ ниже, въ нечто еще худшее.

Но этого мало, что мысли, проводимыя г. Чеховымъ въ послѣднихъ произведеніяхъ, поражаютъ насъ своимъ убожествомъ... Съ грѣхомъ пополамъ, мы могли-бы еще по-прежнему притиснуть къ стѣнѣ, если-бы эти мысли не вѣшали его изображенія самимъ по себѣ быть художественно-правдивыми. Такъ, напримеръ, притика, начиная съ Бѣликинаго и кончая Добролюбовымъ и Писаревымъ, никогда особенно высоко не цѣнили взглядовъ Гончарова, но это не вѣшало ей превратиться передъ творчествомъ такихъ типовъ, какъ дядинка и племянникъ Адуева, Обломовъ и Райскій. — Но у г. Чехова ложныя мысли, къ сожалѣнію, искажаютъ самыя изображенія, нарушаютъ художественную правду, и следовательно дѣлаютъ ущербъ г. Чехову не только, какъ мыслителю, но и какъ художнику.

II.

Самое главное, неотъемлемое достоинство г. Чехова въ качествѣ художника до сихъ поръ бесспорно заключалось въ мастерской обработкѣ характеровъ. Възъ выводимыя изъ лица, какъ живыя, рисовались передъ нами во всѣхъ своихъ типическихъ чертахъ, равно и индивидуальныхъ особенностяхъ. То-же слѣдуетъ сказать и о двухъ послѣднихъ его произведеніяхъ. Иванъ Андреевичъ Лавский, докторъ Самойловичъ, зоологъ фонъ-Бюлеръ, Надежда Водозов-

на, офицеръ Барилкинъ и пр., и пр. въ «Дуэль»; равно какъ Павелъ Андреевичъ, жена его Наталья Гавриловна, Иванъ Ивановичъ Брагинъ, докторъ Соболевъ, и пр. въ «Жизнь» — верхи совершенства въ художественномъ отношеніи.

Но въ то-же время проводимыя тенденціи заставляютъ г. Чехова производить надъ некоторыми изъ своихъ дѣствующихъ лицъ такіа чудеса, какія могутъ развиться лишь тѣмъ неожиданнымъ волшебнымъ метаморфозамъ, какія совершаются въ «Волшебныхъ шлюзахъ», гдѣ ничего не стоитъ человѣку превратиться внезапно въ индійскаго плѣтуха.

Г. Чеховъ, повидимому, совершенно игнорируетъ тотъ фактъ, что всякаго рода перевороты, умственные и нравственные, могутъ совершаться въ отдѣльномъ человѣкѣ лишь въ области идей. Такъ, человѣкъ можетъ изъ консерватора обратиться въ радикала или наоборотъ, сдѣлаться изъ вѣрующаго скептикомъ, изъ свѣтлаго вѣрующаго, можетъ подъ влияніемъ враждебныхъ обстоятельствъ и разгара дурныхъ страстей совершить рядъ убійствъ и другихъ злодѣйствъ и затѣмъ глубоко раскаяться въ своихъ преступленіяхъ и обратиться на путь добра, сдѣлаться даже сподвижникомъ. Но при всѣхъ этомъ съуществуемъ въ каждомъ человѣкѣ нѣсколько основныхъ чертъ характера, физиологически вѣщающихъ въ него, частью воспріятыхъ послѣдствіемъ, частью образованныхъ путемъ воспитанія и жизни. Эти черты остаются неизмѣнными; стереть ихъ и замѣнить новыми въ такой-же степени невозможно, какъ измѣнить форму носа, превратить черные глаза въ голубые, высочій ростъ въ низкій и т. п.

Истинные художники всегда наблюдаютъ это условіе, называемое на простомъ разговорномъ языкѣ *сходственностью характеровъ*, и въ какія-бы перипетіи ни ставили они своихъ героевъ, основныя черты характеровъ опа остаются тѣ-же самыя. Такъ, Гамлетъ, Лиръ, Гаршиковъ, Домъ-Кохотъ, Чичиковъ — остаются отъ верной страницы до послѣдней — тѣми-же самыми, сохранивъ присущія имъ индивидуальныя черты во всѣхъ положеніяхъ и при всѣхъ обстоятельствахъ. Такъ, Рудинъ, берущій въ долгъ деньги безъ отдачи или постыдно паскущій передъ рѣшительностью Наташи, остается тѣмъ-же Рудинымъ и тогда, когда умираетъ на парижской баррикадѣ. Какая-нибудь катастрофа можетъ на-время заглушить нѣкоторыя качества человѣка, но лишь на время, — пока живо впечатлѣніе, произведенное ею, а затѣмъ, по мѣрѣ угасанія впечатлѣнія, врожденныя качества не забываютъ заливаться себѣ.

III.

Главный герой «Дуэли», Иванъ Андреевичъ Лавскій, принадлежит къ столь рѣзко очерченнымъ характерамъ, что оставляетъ въ нашей памяти неизгладимый слѣдъ, отъ котораго мы не въ состояніи отдѣлаться, какъ не

въ силахъ представить себѣ ниши Поадрева или Собакевича. Въ этомъ и заключается сила художественнаго таланта г. Чехова. Лаевскій—это типъ нервно-равновѣснаго до истерикъ въ обществѣ, нравственно распушеннаго и чувствешнаго лѣвивца и бабника,—навіе часто встрѣчаются въ нашемъ современномъ обществѣ, въ качествѣ печальнаго наследія крѣпостнаго права.

Въ повѣсти мы встрѣчаемъ обстоятельную и систематическую характеристику Лаевского, въ устахъ заклятаго врага его и интригера, золотаго фонъ-Корена. Вотъ эта характеристика:

Надо при этомъ предупредить лишь читателя, что дѣйствіе происходитъ въ какомъ-то маленькомъ приморскомъ городкѣ на берегу Чернаго моря, гдѣ поселился Лаевскій съ женой Надеждой Федоровной, увези ее отъ мужа.

— О людяхъ судить по ихъ поступкамъ,—говорилъ фонъ-Корень.—Теперь судите-же, дьяволъ... Дѣятельность г. Лаевского откровенно развернута передъ вами, какъ длинная китайская граната, и вы можете читать ее отъ начала до конца. Что онъ сдѣлалъ за эти два года, пока живеть здѣсь? Будете считать по пальцамъ. Во-первыхъ, онъ научилъ жителей городка играть въ вѣсть; два года тому назадъ эта игра была здѣсь неизвѣстна, теперь-же въ вѣсть играютъ отъ утра до поздней ночи всѣ, даже женщины и подростки; во-вторыхъ, онъ научилъ обывателей пить пиво, которое также здѣсь не было извѣстно; ему-же обыватели обязаны свѣдѣніями по части разныхъ сортовъ водокъ, такъ что съ завязанными глазами они могутъ теперь отличить водку Конолова отъ Смирнова № 21. Въ-третьихъ: прежде здѣсь жили съ чужими женами тайно, но тѣмъ-же побужденіямъ, по какимъ воры воруютъ тайно, а не явно; прелюбодѣліе считалось чѣмъ-то таиннымъ, что стыдился выставить на общій показъ; Лаевскій-же явился въ этомъ отношеніи пионеромъ: онъ живеть съ чужой женой открыто.

— И началъ Лаевского въ первый-же мѣсяцъ нашего знакомства,—продолжалъ онъ, обращаясь къ дьякону.—Мы въ одно промя пріѣхали сюда. Такие люди, какъ онъ, очень любятъ дружбу, сближеніе, солидарность и тому подобное, потому что имъ всегда нужна компанія для вѣнта, выпивки и закуски; къ тому-же они болтливы и имъ нужны слушатели. Мы подружился, то-есть онъ шалалъ ко мнѣ каждый день, мѣшалъ мнѣ работать и откровенничалъ насчетъ своей содержанки. На первыхъ-же порахъ онъ поразилъ меня своею необыкновенною живостью, отъ которой меня просто тошнило. Въ качествѣ друга я журилъ его, зачѣмъ онъ много пьетъ, зачѣмъ живеть не по средствамъ и дѣлаетъ долги, зачѣмъ ничего не дѣлаетъ и не читаетъ, зачѣмъ онъ такъ мало культуренъ и мало знаетъ—и въ отвѣтъ на все это онъ горько улыбался, вздыхалъ и говорилъ: «Я—неудачникъ, лишній человекъ», или: «Что вы хотите, батюшка, отъ насъ, осколковъ крѣпостничества?» или: «Мы вырождаемся...». Или начиналъ вести длинную галиматью объ Онѣгинѣ, Печоринѣ, Байроновскомъ Каниѣ, Базаровѣ, про которыхъ говорилъ: «Это наши отцы по плоти и духу». Понимайте такъ, моль, что не онъ ви-

новать въ томъ, что казонины пакости по подѣлнхъ ложать по распечатаннымъ, и что самъ онъ пьетъ и другихъ спавзаетъ, а виноваты въ этомъ Онѣгинъ, Печоринъ и Тургеновъ, выдумавшія неудачника и лишняго человека. Причина крайняго распушенности и безобразія, видѣно-ли, ложить не въ немъ самомъ, а гдѣ-то внѣ, въ пространствѣ... При томъ—довная штука! распутень, живеть и гдѣ-то въ онъ одинъ, а мы... «ми люди восьмидесятыхъ годовъ», «ми вилос, мервное отродье крѣпостнаго права», «насъ вскалѣчила цивилизація»... Однимъ словомъ, мы должни понять, что такой великій человекъ, какъ Лаевскій, и въ падонн своемъ водитъ; его распутство, необразованность и нечистоплотность составляютъ явленіе истинно-историческое, освещенное необходимостью, что причины тутъ міровныя, стлійныя, и что породъ Лаевскій надо лампаду повѣствъ, такъ какъ онъ роковая жертва времени, вѣщій, наследственности и прочее. Всѣ чиновники и дамы, слушающаго, охали и ахали, а я долго не могъ понять, съ кѣмъ я имѣю дѣло: съ циникомъ или съ лодкимъ мазурикомъ? Такие субъекты, какъ онъ, съ виду интеллигентныя, подожки воспитанничю и говорачіе много о собственности благородствѣ, умѣють прикидываться телбированно сложными натурами...

Лаевскій—довольно несложный организмъ. Вотъ его нравственный остовъ: утромъ туфли, купанье и кофе, потомъ до обѣда туфли, моционъ и разговоры, въ два часа туфли, обѣдъ и вино, въ пять часовъ купанье, чай и вино, затѣмъ вѣсть и лганье, въ десять часовъ ужинъ и вино, а послѣ полуночи сонъ и la femme. Существованіе его заключено въ эту тѣсную программу, какъ яйцо въ скорлупу. Идетъ-ли онъ, сидитъ-ли, сордится, пишеть, радуется—все сводится къ пшну, кармамъ, туфлямъ и жондннѣ. Женщина прааетъ въ его жизни роковую, подавляющую роль. Онъ самъ повѣствуетъ, что 13 лѣтъ онъ уже былъ влюбленъ; будучи студентомъ перваго курса, онъ жилъ съ дамой, которая имѣла на него благотворное вліяніе и которой онъ обязанъ своимъ музыкальнымъ образованіемъ. Во второмъ курсѣ онъ выкупилъ изъ публичнаго дома проститутку и возвысилъ ее до себя, то-есть ваялъ въ содержанки, а она пожила съ нимъ полгода и убѣжала назадъ къ прежней хозяйкѣ, и это бѣгство причинило ему не мало душевныхъ страданій. Увы, онъ такъ страдалъ, что долженъ былъ оставить университетъ и два года жить дома безъ дѣла. Но это къ лучшему. Дома онъ сошелся съ одной вдовой, которая посоветовала ему оставить юридическій факультетъ и поступить на филологическій. Онъ такъ и сдѣлалъ. Кончивъ курсъ, онъ страстно полюбилъ теперешнюю свою... какъ ее?... замужнюю, и долженъ былъ бѣжать съ нею сюда на Балканъ за идеалами яко-бы... Не сегодня-завтра онъ убѣжитъ назадъ въ Петербургъ и тоже за идеалами... У каждаго изъ насъ женщина отъ мать, сестра, жена, другъ, у Лаевского-же она—все, и при томъ только любовница. Она, то-есть, сожительство съ ней—счастье и цѣль его жизни; онъ веселъ, грустенъ, скученъ, разочарованъ—отъ женщины; жизнь оостыгшла—жонщина виновата; загорѣлась заря новой жизни, нашлись идеалы—и тутъ види жонщину... Удовлетворяетъ его только тѣ соционія или картины, гдѣ есть жонщина... Нашъ

вѣтъ, по его мнѣнію, плохъ и хуже сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ только потому, что ны не умѣемъ утѣшиться отъ дѣла къ дѣлу любовному вѣстуху и отъ дѣла. Если-бы онъ былъ ученикъ или автораторомъ, то подарилъ-бы міру диссертацию: «Проституція въ древней Египтѣ» или «Женщина въ XIII вѣкѣ», или что-нибудь въ этомъ родѣ. У этихъ сладострастныхъ, должно быть, въ мозгу есть особый паростъ вродѣ саркома, который сдавилъ мозгъ и доминируетъ надъ всею психикой. Понаблюдайте-ка Лаевского, когда онъ сидитъ гдѣ-нибудь въ обществѣ. Вы замѣтите: когда при немъ поднимешь какой-нибудь общій вопросъ, напримеръ, о вѣстухѣ или истинитѣ, онъ сидитъ въ сторонѣ, молчитъ и не слушаетъ; видъ у него томный и разочарованный, ничто для него не интересно, все пошло и ничтожно, но какъ только вы заговорили о самцахъ и самцахъ, о томъ, напримеръ, что у пауковъ самка послѣ оплодотворенія съѣдаетъ самца—глаза у него загораются любовнымъ огнемъ, лицо просвѣтлѣло и человекъ оживаетъ, однимъ словомъ. Всѣ его мысли, какъ-бы благородны, возвышенны или безразличны онъ ни были, вѣдутъ всегда одну и ту-же точку общаго схода. Идешь съ нимъ по улицѣ и встрѣчаешь, напримеръ, осла... — «Скажите, пожалуйста, — спрашиваетъ, — что троездеть, если случать ослицу съ верблюдомъ?». А сынъ! Онъ рассказываетъ вамъ свои сны? Это великодушно! То ему снится, что его женить на лунѣ, то будто вонуть его въ полицію и привязываютъ ему тѣло, чтобы онъ жилъ съ татарой...

IV.

И надо правду сказать, Лаевскій всѣмъ своимъ поведеніемъ на страницахъ новѣсти вполне оправдываетъ такое мнѣніе о немъ фонъ-Борена. Такъ, уже въ началѣ повѣсти онъ является разочарованнымъ въ своей Надеждѣ Федоровнѣ, разлюбившимъ ее, и возродженіи всей новѣсти только и дѣлаетъ, что выманиваетъ, какъ-бы отъ нея отдѣлаться. Хотя онъ и высказываетъ при этомъ своему другу, добродушному и очень напоминающему Лермонтовскаго Максима Максимовича, доктору Самойленку, что его останавливаетъ бросить Надежду Федоровну то сожалѣніе, что ей некуда дѣться, такъ какъ она одинокая, безродная, денегъ ни гроша, работать не умѣетъ,—но на самомъ дѣлѣ несколько его эти соображенія особенно не тревожили, и онъ только о томъ и помышлялъ, какъ-бы раздобыть въ долгъ денегъ для того, чтобы ухажать, да-бы, на время, а на самомъ дѣлѣ оставить свою Надежду Федоровну въ черноморскомъ городѣ при самомъ нечальномъ циковомъ интересѣ. Въ концѣ концовъ, онъ такъ изоггался, что даже Самойленко пересталъ вѣрить ему, прогнавши въ его дрянные замыслы.

Замѣчательно, что, съ своей стороны, Надежда Федоровна является совершенно подлѣ-стать Лаевскому и достойною ему парю. Такая-же, какъ онъ, праадная и легкомысленная, она только и дѣлаетъ, что франтить, набирая въ магазинахъ наряды въ кредитъ, не думая о томъ, когда долгъ, выросшій до 300 р., будетъ уплаченъ, кокетничаетъ съ вѣстными кавалерами, офицерами и восточными людьми и въ

то-же время является такою распущенною перахою, что одна строгая блюстительница семейной нравственности, Марья Константиновна, позволила себя въ глаза ей прочесть ей такую нотацию:

— По изисканности и пестротѣ вашихъ нарядовъ всякій могъ судить о вашемъ поведеніи. Всѣ, глядя на васъ, поспѣивались и пожимали плечами, а я страдала, страдала... И простите меня, милая, вы нечистоплотны... Когда мы встрѣчались въ вуальнѣ, вы заставляли меня трепетать... Верхнее платье еще туда-сюда, но юбка, сорочка... милая, я краснѣю! Бѣдному Ивану Андреевичу тоже ничто не заважеть галстука, какъ съблудеть, а по бѣлью и по сапогамъ бѣдняжки видно, что дома за цимъ нитю не смотритъ. И всегда онъ у васъ, мой голубчикъ, голодонъ, и въ самомъ дѣлѣ, если дома некому позаботиться насчетъ самовара и кофа, то поневолѣ будешь проживать въ навильонѣ поховину своего жалованья. А дома у васъ просто ужасъ, ужасъ! Во всемъ городѣ вы у кого нѣтъ мухъ, а у васъ отъ нихъ отбою нѣтъ, всѣ тарелки и блюда черны. На окнахъ и на столахъ, посмотрите, пылъ, дохлыя мухи, стаканы... Бѣ чему тутъ стаканы? И, милая, ко снѣ поръ у васъ со стола не убрано. А въ спальню къ вамъ войти стыдно: разбросано вездѣ бѣлье, виситъ на стѣнахъ эти ваши разные научуки, стоитъ какая-то посуда!.. Мила! Мужъ ничего не долженъ знать и жена, должна быть передъ нимъ чиста, какъ ангельчикъ...

Но этого еще мало... «Въ своемъ дыханіи, — читаемъ мы, — во взглядѣ, въ тонѣ голоса и въ походкѣ она чувствовала только малѣнкіе любить, шумъ моря говорилъ ей, что надо любить, вечерняя темнота — то-же, горы то-же. И тогда офицеръ Кариллинъ сталъ ухаживать за нею, она была не въ силахъ и не хотѣла противиться, и отдалась ему»...

Но Кариллину она, все-таки, отдалась не-за свободныхъ, хотя-бы развратныхъ желаній; молодому-же армянину Ачмянану, сыну того самаго кунца, хозяина моднаго магазина, гдѣ она забрала товару на 300 р., она пожертвовала собою единственно ради ликвидаціи этого долга. Это уже была прямая торговля тѣломъ.

Буревѣе всего то, что въ то время, какъ Лаевскій вымышлялъ всякія средства и громогдиль дошъ на локъ, чтобы избавиться отъ Надежды Федоровны, она, въ свою очередь, мучная совѣстью, только о томъ и помышляла, какъ-бы бѣжать отъ него. «Чтобы не продолжать этой жизни, — читаемъ мы, — позорной для нея и оскорбительной для Лаевского, она рѣшила ухажать. Она будетъ съ платемъ умолять его, чтобы онъ отпустилъ ее, и если онъ будетъ противиться, то она уйдетъ отъ него тайно. Она не расскажетъ ему о томъ, что произошло. Пусть онъ сохранилъ о ней чистое воспоминаніе».

Таких образцов, как Лавский, так и Надежда Федоровна, являются, еще раз повторяю, таковы окрещенными, резко очерченными типами, которые говорят сами за себя и не требуют никаких комментариев. Что-бы заглянуть напоследок в вину, разошлись-ли-бы они, или остались коротать друг с другом всю жизнь, можно положительно сказать только одно, что до свадьбы велось и до могилы не суджено остаться втроем себя. Я далеко от той приподнятой зоологической философии книжного фонь-Кореня, чтобы Лавский и в сапогах дьябл носил в себе такой губительный зядь, что заражал-бы не только города и грозил-бы в пид-два развернуть все каспийское побережье. Книг не обантежили и ни обольстительны Лавские при первом знакомстве с виной, — они быстро горают свой и престанут, и вредить, и как только хорошенько разглядеть их, к ним торжуют великое уважение и стараются от них отделиться. Поэтому далеко и не от того, чтобы подобно тому-же фонь-Кореню рассуждать, что «первобытное человечество было охраняемо от таких, как Лавский, борьбой за существование и подбором; теперь же наша культура значительно ослабила борьбу и подбор, и мы должны сами позаботиться об уничтожении хлякх и негодных; иначе, когда Лавские размножатся, цивилизация погибнет и человечество выродится совершенно». Я вью в исцеляющую силу жизни, вью, что такие люди, как Лавские, никого изранить своей тлетворностью не способны, а сами они так или иначе сгинут, отпадут от общества, как омертвевшие члены, потонут-же их или выроются, для-же мало-помалу канчатся недвигаясь путень приспособления к новым условиям жизни.

Но я не вью, чтобы таме люди, как Лавский и Надежда Федоровна когда-бы внезапно, словно по щучьему веленью, восродиться и сделаться цыганскими, чистоплотными, бережливыми, трудолюбивыми и пр., и пр. Это чудо из чудес, ранившись тому, как если-бы горюх вдруг превратился в рбу.

В силу чего произошла вдруг вполконтрактная сверхчужестранная метаморфоза? Для чего понадобилась она г. Чехову? Ни для чего иного, как ради того, чтобы показать несостоятельность жестокой философии фонь-Кореня, являющейся яко-бы ничуть-эссенцией современного дарвинизма, в торжество широкой толпы, массы простых и безхитросных людей, прохь доктора Самойленко, сившалаго дьявола, строгой охранительницы домашнего очага Марьи Константиновны, которые, по мудрству лукаво, придерживаются выработанной тысячелетиями житейской морали, строго осуждают дерзких нарушителей ее, назовы, наорнитрь, Лавский и Надежда Федоровна, выдвигавшие открыто лять друг с другом во избранный совет.

но в то-же время наивно верить, что какие-бы то ни было порочные люди способны показаться и обратиться в спасительную кристаль всю той-же вьювечной морали...

В сапогах дьябл, вы только подумайте. Придрабнись к первому удобному случаю, фонь-Корень вывалит Лавского на дуэль, с непоколебимым намерением убить его и избавить человечество от столь тлетворной заразы. Но ему не удалось этого, так как спрятавшийся в кустах дьявол испугался, когда фонь-Корень начал хладнокровно цыжить Лавскому прише в лоб, и закричал ему под руку: — «Онъ убьетъ его!» — Фонь-Корень, вслэдствие такого неожиданного восклицания, промахнулся, Лавский остался жить, и не только не оправдал ожидания фонь-Кореня, что через два года развернуть все побережье Черного моря, но, к радости всех ревнителей чистоты, нравственности, онъ внезапно самъ совершенно измѣнился, простилъ Федоровну всь ея грѣхи, сочетался с нею законным бракомъ (хоть как возмел нужа он уверь отъ разнагченія конга), бросилъ свою прежнюю разгульную жизнь и началъ сь утра до ночи трудиться для того, чтобы погасить всь свои долги...

Повѣсть кончается общимъ увещаньемъ, и даже самъ фонь-Корень, видя себя побѣжденнымъ, принимаетъ въ отомъ увещаніи участіе.

— Да, сильно онъ скрутилъ себя, — проговорилъ онъ: — его свадьба, эта дѣловая работа иль-ли вкуса хлѣба, какое-то новое выраженіе на его лицѣ и даже его поведеніе — все это до такой степени симпатично и даже высоко, что я и не знаю, какъ назвать это...

И фонь-Корень не могъ удержаться отъ того, чтобы, ухмыляя, не пойти въ Лавскому и не протянуть ему руку примиренія.

— Не понимайте моихъ зухомъ, Иванъ Андреевичъ, — сказалъ онъ, — забытъ прошлаго, по-ночно, воляма, оно опинионъ грустно, и я не хотѣлъ кричать сюда, чтобы поминионъ или утѣра, что я не виноватъ. Я дѣйствовала исправно и не имѣла смелухъ удивленія съ гѣхъ перь... Правда, я ошиба отъосотенно вась, во, вѣдь, своймазотон и на прямой дорогѣ; а такова ужъ человѣческая судьба: если не ошибеься въ главоногъ, то будешь ошибаься въ частностяхъ. Никто не знаетъ настоящей правды.

— Да, никто не знаетъ правды, — сказалъ Лавский...

Вы не можете представить себя, какою фальшиво, какою, если хотите, даже неслостью вѣсть на вась отъ всего этого конца повѣсти.

Нѣчто подобное увидитъ мы и въ другой повѣсти г. Чехова «Жеца», — в которой будешь бесѣдовать въ слѣдующемъ фемлетонѣ.

А. Скабичевскій.